

ПО ТУ СТОРОНУ СТЕНЫ

дип Красных фронтовиков.

Спокойствием, уверенностью, размеренностью и деловитостью всего строя

жизни поражает сегодня демократический Берлин иностранцев. Злоба и глупость неистовствуют там, за бетонной стеной. Гнусные утки клеветы одна за другой целыми стаями слетают с антенн радиостанций Западного Берлина. Бряцает оружием Франц Иозеф Штраус, которому западные газеты уже присвоили звание самого опасного человека в Европе. Радио приносит моления престарелого Конрада Аденауэра о водородной бомбе. А тут, по восточную сторону границы, как всегда, дымят заводы, растут новостройки, в театре с огромным успехом идет пьеса Бертольта Брехта «Артур Уи» — злейшая сатира на немецкий реваншизм. В варьете остроумный клоун в гриме Адольфа Гитлера изображает бесноватого фюрера. В концертном зале с успехом выступает французская певица. Местный Дед-Мороз деятельно раскладывает рождественские подарки в ботиночки ребятишек. И это бдительное спокойствие миллионов людей, уверенных в себе, в своей правоте, в силе, рождаемой сознанием этой правоты, — самое интересное, что можно наблюдать сегодня по эту сторону стены, разделившей Берлин.

Я НЕ был в Берлине четыре года. Летел и думал: как-то он выглядит сейчас, этот город? 13 августа его рассекла граница. Ее можно считать границей между социализмом и капитализмом. Мощные радиостанции, работающие рядом, но по разные стороны границы, ежедневно передают в эфир взаимно друг друга исключающие известия.

Перед вылетом я просмотрел сообщения с Запада. Может быть, поэтому я так обрадовался, сойдя с самолета в аэропорту Шенефельд, знакомом еще по военным временам. Первое, что бросилось в глаза и приятно удивило, было спокойствие — деловое, будничное спокойствие города, погруженного в свои повседневные заботы, занятого своими обычными делами. Дед-Мороз действующий здесь под именем Вейнахтсмана, развернул бурную деятельность. На площадях появились огромные пушистые елки, а в магазинах, где продают игрушки, украшения, рождественские подарки, с утра такая веселая теснота, что к прилавку пробиться труднее, чем даже в желтые двухэтажные автобусы в час, когда люди едут на работу.

Вместе с украинским писателем Олегом Гончаром мы прибыли сюда по приглашению немецких коллег для участия в конференции литераторов социалистических стран, граничащих с Германией, — конференции, посвященной мирному договору. Прилетели и, «с корабля на бал», попали прямо в зал заседаний за большой прямоугольный стол, которому в эти дни надлежало исполнять обязанности круглого.

А сразу же после заседания немецкие друзья решили отвезти нас на границу двух миров. Был вечер, когда писательская экспедиция, предводительствуемая Анной Зегерс и Людвигом Ренном, на нескольких автомашинах двинулась в путь. Туман осел. Асфальт лоснился от влаги, на ветвях висели крупные капли, а звон трамваев и скрежет их колес на поворотах, вопреки календарю, раздавались по-весеннему громко. Вот и знакомая площадь, тяжелые колонны Бранденбургских ворот и поодаль справа рейхстаг.

Площадь рассекает капитальная бетонная стена. Сопровождающий нас майор-пограничник рассказывает, что, после того как в Западном Берлине возле границы начались демонстрации американских танков и произошло несколько «вторжений» американских военных без предъявления документов, труженики ГДР за одни сутки создали эту стену вдоль границы. За сутки! Просто трудно поверить, чтобы столь солидное фортификационное сооружение, тянущееся на десятки километров, могло быть создано за такие сроки. Да, именно за сутки, подтверждает майор и, улыбаясь, произносит немецкую поговорку, которая соответствует нашей: «Чем выше заборы, тем лучше соседи».

— Ну и как они, соседи?

— Нельзя сказать, чтобы образумились, но образумятся. Иного у них выхода нет, — твердо говорит майор. — Уже поняли, что мы шутить не намерены.

— Ну, а провокации?

Как раз в этот момент к нам подходит дружинник и о чем-то шепотом докладывает начальнику. Оказывается, несколько минут назад какой-то «крестьянин с бородой» подбежал к стене, перебрал пачку сигарет «Кемел», отбежал и издали стал кричать: «Переходите к нам, мы курим здесь лучшие американские сигареты». Покричал и убрался.

— Идиоты, — неофициально добавляет дружинник как резюме к своему рапорту.

Большое красное солнце опускается за молоденькие деревья Тиргартена. Башни рейхстага багровеют в вечерних лучах, будто в отсветах заката. И вдруг с какой-то стереоскопической отчетливостью вспоминаются картины этой площади, когда шестнадцать лет назад, сбросив шинели, наши солдаты перебежками двигались к рейхстагу, поливаемые горячим свинцом из пулеметов эсэсовцев, еще занимавших цокольный этаж здания. Вспоминается, как появились на решетке выгоревшего купола две темные солдатские фигуры, как развернулось, заалело, полощась на ветру, красное знамя, высоко вознесенное над дымами пожаров.

Когда при штурме рейхстага на этой площади пролилась кровь советских солдат, союзных войск не было здесь и в помине. Они были далеко от Берлина. И все-таки потом, через несколько дней, когда война уже кончилась, а тут, на площади, румяные девахи с красными флажками регулировали движение автомашин, — появившихся с опозданием союзников приняли дружески, как товарищей по оружию.

Вспоминается, как наши гвардейцы в нагложенных гимнастерках, с надраенными зубным порошком орденами и медалями разгуливали здесь в обнимку с американцами в лакированных шляпах, с шотландцами в цветных юбочках, с рослыми австралийцами в широких стетсоновских шляпах. Общие чувства объединяли их тогда — ненависть к нацизму, отвращение к войне, чувство боевой дружбы и радость победы, добытой ценою стольких жертв. Жали друг другу руки, обнимались, показывали фотографии жен, детей, невест, обменивались сувенирами и попили из общих флагов и водку, и виски, и джин. И, конечно, фотографировались. Вон там, недалеко от рейхстага, валялись обломки низверженной колонны и разбившийся об асфальт огромный нацистский орел со свастикой в лапах. На обломках этого орла и любили сниматься в обнимку советские воины, американцы, англичане и подошедшие к этому времени французы.

Но хищная птица эта оказалась живой. Она вновь — в гербе Федеративной Республики Германии. Правда, свастику выбили из ее лап, но когти у нее остались — крепкие, хищные когти. Она спит и видит, как бы запустить их в тело молодого германского социалистического государства, как бы терзать ими чужие земли, лежащие на восток от мирной границы Одер — Нейсе.

А Западный Берлин, за освобождение которого на моих глазах пролилось столько крови советских и ни капли американских, английских, французских солдат, сейчас общими стараниями западных союзников и немецких реваншистов был превращен в злокачественную опухоль на теле Германской Демократической Республики.

Наблюдая ряды меняльных лавок, выстроившихся гнездами по ту сторону стены, ларьки и магазинчики, в которые сбывались спекулянтами продукты,

вывозимые и выносимые когда-то из ГДР, наблюдая все это огромное, воистину с американским размахом развернутое спекулянтское хозяйство, ныне уже парализованное, невольно вспоминаешь строфу Генриха Гейне:

Злоба и глупость блудили тут,
Грызась, как псы над костью,
От их приплота и теперь
Разит фанатической злостью.

Да, именно фанатическая злость, зачатая в отвратительном союзе злобы и глупости реваншизма, могла превратить культурный город с двухмиллионным трудолюбивым населением в гнездо шпионов, диверсантов, провокаторов, мошенников, спекулянтов, валютчиков, проституток. В злокачественную опухоль.

С тех пор как существует международное право, любое правительство, даже самой маленькой страны, не только вправе, но и обязано охранять свои границы. Но какой дикий звериный рев поднялся в Западном Берлине, в Федеративной Республике Германии, а затем и среди всех ее западных опекунов, когда народное германское государство использовало это неотъемлемое право и отгородило свою столицу от столь малопочтенного и столь беспокойного соседа.

Пограничные части и рабочие дружинники преградили путь шпионам, спекулянтам, «охотникам за головами», как называют тут бессовестных вербовщиков, сманивавших всякими посулами граждан ГДР и получавших сдельную оплату за каждую замороченную голову. Сразу же позакрывались меняльные конторы. Опустели рестораны, кабаре, всяческие увеселительные заведения, в которых оголтелая рваческая братия прогуливала свои нечистые деньги.

Все это закончилось крахом западно-берлинского филиала одного из крупнейших рейнских банков. «Витрина западного мира», над созданием которой столь старательно трудились атлантические державы, в которую правительство Аденауэра вложило столько денег, еще сохранилась. Но она уже обречена, на нее некому смотреть. Какая же витрина без зрителей?

Глупость и злоба взбешены. Мне не хочется снова перечислять все авантюры, вылазки и провокации, предпринятые американцами, англичанами, французами в ответ на закрытие границы. Об этом уже много писали и пишут. Все это было не только проявлением злобы и глупости, но и пробой воли и нервов тружеников ГДР. Воля оказалась непреклонной, нервы крепкими. И тогда, чувствуя свое бессилие, злоба и глупость провокаторов в полной мере разоблачили себя. Путешествуя пешком вдоль границы вместе с немецкими, чехословацкими, польскими писателями, беседуя с пограничниками и дружинниками, мы смогли убедиться, на какие вершины идиотизма поднимаются порою западноберлинские реваншисты.

У Бранденбургских ворот дружинники со смехом рассказывали, как однажды они увидели движущуюся к границе шеренгу девиц в дорогих мехах. Девушки шли молчаливым строем и, подойдя к стене, сбросили вдрут свои манто и шубы и, оставшись, в чем мать родила, принялись убеждать дружинников в преимуществах капиталистического мира, приглашая их перепрыгнуть через стену прямо к ним в объятия. Но стена молчала, а так как сейчас не июнь месяц, нагим девушкам пришлось побыстрее одеваться в свои меха и отступать уже разозленным строем под дружный хохот и свист из-за стены.

В другом месте приземистый белокурый дружинник, механик по профессии и немолодой уже человек, показал нам за стеной на водосток, забранный обычной железной решеткой. В час его дежурства к водостоку подъехала красивая автомашина. Хорошо одетые люди вывели из нее за руки двух обрванных чумазных мальчуганов, подняли крышку водостока и заставили их влезть в люк. Потом они закрыли крышку и уехали. Улица опустела. А через час туда нагрянуло много машин с корреспондентами, с фотоаппаратами, с кинооператорами. Решетку подняли, мальчуганов вытащили. Они должны были изображать «юных героев», которые по сети канализации переползли из Восточного Берлина в Западный,

Борис ПОЛЕВОЙ

«предпочитая свободу». Инсценировка почти удалась. Почти!

— ...Но мы-то ведь тоже не дурни, — рассказывал дружинник. — Видим, затевается что-то скверное, ну и сфотографировали, как эти господа записывают мальчишек в люк...

Такие происшествия и провокации посерьезнее происходят то тут, то там. Но всюду провокаторы натываются на спокойствие, дисциплинированность, на твердую волю, сознательность и выдержку рабочих, служащих, инженеров, людей различных профессий, одетых в форму дружинников и выходящих охранять покой своего города, своей страны. Дружинники заслужили уважение. Нам рассказывали такой случай. Шел патруль, а навстречу им старая женщина вела за руку внучку.

— Вы что, ребята, гуляете или службу несете? — спросила она.

— Ваш покой охраняем, мамаша.

В ответ старушка подняла к плечу сжатый кулак правой руки.

— Рот фронт, товарищи! — приветствовала она добровольных стражей порядка салютом тельмановской гвар-